

Научная статья
УДК 351.74
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-4-1070-1080

К истокам становления и деятельности советской милиции (на материалах Курского края)

Василий Петрович ПАШИН

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Радищева, 33
pashinvp@mail.ru

Аннотация. Изучение истории советской милиции дает поучительный материал для выводов и обобщений, актуальных для современной действительности. На основе документальных источников, как опубликованных, так и архивных, сделана попытка в проблемно-хронологическом ракурсе осмыслить процессы революционных преобразований государственного аппарата на примере органов милиции. Целью исследования явилось выявление новых граней в становлении и деятельности советской милиции на региональном уровне, которые определяют новые направления исследований в советском государственном строительстве. Доказано, что деятельность милиции, как и подбор кадров, невозможно в короткий промежуток времени осуществить на принципиально новых основах, вне связи с прошлым историческим опытом, а его полное игнорирование приводит только к негативным последствиям. Показана взаимосвязь условий жизни рядовых граждан и составов преступлений. Обоснован вывод, что полный разрыв с досоветским опытом деятельности правоохранительных органов привел страну к хаосу и произволу в обществе. Выявлены элементы использования опыта Временного правительства на рубеже 1920 г. как в конкретных методах работы милиции, так и в кадровой работе. Установлено, что до середины 1920-х гг. в подборе кадров большее внимание уделялось трудолюбию и профессионализму, но в последующие годы – партийности, социально-классовому положению, безоговорочной исполнительности в выполнении партийно-коммунистических директив.

Ключевые слова: милиция, кадры, образовательный уровень, преступность, Курская губерния

Для цитирования: Пашин В.П. К истокам становления и деятельности советской милиции (на материалах Курского края) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 4. С. 1070-1080. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-4-1070-1080>

Original article
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-4-1070-1080

To the origins of the development and activities of the Soviet police (based on the materials of the Kursk Region)

Vasilii P. PASHIN

Kursk State University
33 Radishcheva St., Kursk 305000, Russian Federation
pashinvp@mail.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

© Пашин В.П., 2022

Abstract. The study of the history of the Soviet militia provides instructive material for conclusions and generalizations that are relevant to modern reality. On the basis of documentary sources, both published and archival, an attempt was made to comprehend the processes of revolutionary transformations of the state apparatus in the problem-chronological perspective using the example of the police. The purpose of the study is to identify new facets in the formation and activities of the Soviet police at the regional level, which will determine new areas of research in Soviet state building. It is proved that the activities of the police, as well as the selection of personnel, cannot be carried out in a short period of time on a fundamentally new basis, out of touch with past historical experience, and its complete disregard leads only to negative consequences. The relationship between the living conditions of ordinary citizens and the elements of crimes is shown. The conclusion is substantiated that a complete break with the pre-Soviet experience in the activities of law enforcement agencies led the country to chaos and arbitrariness in society. The elements of using the experience of the provisional government at the turn of 1920 are revealed both in the specific methods of work of the militia and in personnel work. It is established that until the mid-1920s in the selection of personnel, more attention was paid to diligence and professionalism, but in subsequent years - party membership, social class position, unconditional diligence in the implementation of party communist directives.

Keywords: police, personnel, educational level, crime, Kursk Governorate

For citation: Pashin V.P. K istokam stanovleniya i deyatel'nosti sovetskoy militsii (na materialakh Kurskogo kraia) [To the origins of the development and activities of the Soviet police (based on the materials of the Kursk Region)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, vol. 27, no. 4, pp. 1070-1080. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-4-1070-1080> (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории государственных институтов в период коренной их ломки весьма поучительно не только с познавательной точки зрения. Философский закон Гегеля «отрицания – отрицания» опровергнуть невозможно. На новом историческом витке развития происходит воспроизведение частей, элементов, подходов, принципов дея-

тельности одного-другого органа государственной власти. Новые государственные органы рождаются в противоречиях и в повторяемости однотипных явлений и ошибок. Скоротечная ломка старого государственного аппарата и полное отрицание прежнего опыта неизбежно приводит к негативным явлениям. Не является исключением и резко отрицательное отношение пришедшей к власти партии большевиков к профессиональ-

ному опыту и кадрам прежних полицейско-милиейских органов. По нашему мнению, в современных условиях обозначился поворот в сторону не только изучения и осмысления советского опыта, но и внедрения его элементов в современную действительность и, в частности, в деятельность полиции. Однако на этом пути государственных строителей может ждать разочарование, ибо элементы прежнего государственного устройства были взаимоувязаны и представляли собой единую систему. Эклектическое использование прежних подходов может привести к разбалансировке государственных институтов.

В целом историография советской милиции достаточно объемна. М.И. Осокина, С.Н. Токарева, Н.А. Шабельникова [1–3] пишут обзорные историографические статьи. Однако автор первой статьи, взяв огромный промежуток времени, физически не смог научно проанализировать выявленную литературу. Поэтому содержание работы в основном сводилось к констатации фактов и библиографическому описанию работы. Автор второй статьи стремится увязать общую направленность работ с социально-политической конъюнктурой в стране. При анализе историографии XXI века отмечается, что снятие грифа секретности породил всплеск выпуска сборников документов по истории советской милиции, где региональные издания явно преобладали над всероссийскими. Нередко эти сборники включали в себя документы не только советского периода, но и досоветского и современного периодов¹. Анализируя 134 выявленных наименований работ по заявленной проблеме, отмечаем, что в основном научные статьи, монографии, сборники документов издаются ведомственными учреждениями [2, с. 129]. Хотя анализ литературы в основном сводится к библиографическому описанию и констатации выявленного издания. Отсутствует ее критическое восприятие, недостаточно показан процесс приращивания знаний. Выявленная ли-

тература в основном ориентируется на исследование устоявшихся проблем с привлечением нередко новых архивных документов, но которые показывают поступательное развитие процесса.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Легковесное отношение к государственной строительной политике первых лет советской власти отчетливо видно в речах лидеров большевизма. Так, в историографии периода 1917 – конца 1920-х гг. явно просматриваются идеи романтизма, быстрого построения бесклассового общества и воспитания человека, свободного от проявлений «антиобщественных» поступков. Застрельщиками подобного подхода являлись, прежде всего, лидеры большевизма [5–9]. На основе их методологических подходов создавалась публицистическая и научно-исследовательская литература [10–12]. Обозначенная и другая литература интересна своей фактологической базой, ибо она нередко создавалась непосредственными свидетелями и участниками описываемых событий того времени.

Второй этап в развитии историографии охватывает период 1930-х – середины 1950-х гг., в котором фактически отсутствует критический анализ исследуемых явлений, недостатки обязательно изживались, а совершали их в основном или «завербованные агенты иностранных разведок», или «бывшие» [13]. Общее направление подобному подходу заложил «Краткий курс истории ВКП(б)»².

Третий этап в развитии историографии (вторая половина 1950-х – конец 1980-х гг.) характеризуется значительным расширением проблематики исследований³, публикацией документов, ранее не известных широкой публике [14–17]. Но история развития правоохранительных органов по-прежнему пока-

¹ Новгородская полиция, милиция и органы внутренних дел 1733–2000 гг.: сб. документов и материалов. В. Новгород: НовГУ, 2001. 670 с. [4].

² История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Гос. изд-во полит. лит., 1945. 338 с.

³ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1921): сб. документов. М.: Госполитиздат, 1958. 511 с.; Декреты советской власти. Т. 1–13. М.: Политиздат, 1957–1989.

зывалась в «розовом цвете» – бескризисное и поступательное развитие, отсутствие фундаментальных доказательств, где самыми вескими аргументами в споре являлись цитаты классиков марксизма-ленинизма, присутствие только отдельных недостатков, которые непременно устранялись.

Периоду историографии с начала 1990-х гг. нельзя дать однозначную оценку. Желание освободиться от марксистско-ленинских принципов породило определенное негативное отношение ко всему историческому опыту советского государства [18–20]. В обозначенной литературе практически все исследуемые вопросы сводились к политической стороне дела или личностным негативным качествам руководителей. Вводимые в научный оборот сборники документов нередко подбирались явно тенденциозно⁴.

Целью настоящего исследования является научно-критическое осмысление поисков партией большевиков путей встраивания советской милиции в создаваемую советскую социалистическую систему в первое десятилетие советской власти. Именно в эти годы произошел перелом во взглядах государственных строителей от полного отрицания предшествующего опыта до его изучения и использования в практической деятельности. Поставленная цель определила традиционные исторические методы исследования, позволяющие рассматривать явления в хронологической последовательности, в неразрывной связи с процессами в общественно-политической жизни страны. Логика работы построена на тесной взаимосвязи отечественной истории с историей государства и права России.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Коренная ломка всего государственного аппарата неизбежно вызывает всплеск вседозволенности и роста преступности, кото-

рые должны решительно пресекаться правоохранительными органами, где должны сохраняться кадры профессионалов от прежних государственных структур.

Подобный подход явно просматривался в деятельности Временного правительства. Так, под давлением народных масс оно вынуждено было упразднить полицию и жандармерию. Однако их кадровый состав в созданных новых милицеских структурах в основном оставался неизменным или постоянно находился в поле зрения местной и центральной власти. Так, в Курской губернии полиция была реорганизована в земскую и городскую милицию, жандармские части на железнодорожной станции – в железнодорожную стражу. Руководящий состав (высший и средний офицерский) зачислялся в тыловые воинские части.

В марте 1917 г. Временное правительство дает указание Курскому губернскому комиссару сформировать офицерский состав милиции с учетом их профессиональной пригодности. Так, одно из требований гласило, что их стаж работы по специальности (в органах полиции) должен был составлять от 4 до 10 лет⁵. Однако подобный профессиональный подход к комплектованию милиции не встретил поддержки со стороны левых сил. В городах и в сельской местности создаются параллельные правоохранительные структуры – рабочая и крестьянская милиция, формируемая не на основе профессиональных качеств, а на основе социально-классовых подходов.

Параллелизм в работе правоохранительных структур породил еще больший хаос в стране, чем воспользовалась партия большевиков. 25 октября (7 ноября) 1917 г. Петроградский ВРК провозгласил себя высшим органом страны⁶. Самопровозглашенный орган подразделялся на отделы обороны, снабжения, связи, информационного бюро, рабочей милиции, стол донесений, комендатуры.

⁴ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923 гг.: сб. документов. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 440 с.; Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960: справочник / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФ «Демократия», 1997. 352 с.

⁵ ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р.-322. Оп. 1. Д. 28. Л. 79.

⁶ История государства и права СССР: сб. документов. М.: Политиздат, 1968. С. 20.

Основной его задачей являлось установление советской власти в губерниях страны. Параллельно с формированием органов советской власти в регионах создавалась рабоче-крестьянская милиция, которая строилась по образу и подобию Красной армии. В «Положении о рабоче-крестьянской милиции», утвержденном декретом ВЦИКа и СНК РСФСР 10 июня 1920 г., определялся статус милиции как вооруженный исполнительный орган, действующий на основе воинского устава⁷.

Центральной задачей милиции в первые годы советской власти являлась борьба с бандитизмом. Именно отдел уголовного розыска был создан одним из первых в структуре аппарата советской милиции. В целях общего руководства и оказания методической помощи (нередко основанной на опыте прежнего опыта) в составе Главного управления милиции было создано Центральное управление уголовного розыска (Центррозыск) РСФСР [21, с. 5]. В феврале 1919 г. Центррозыск рекомендовал во всех населенных пунктах с населением свыше 40 тыс. человек создавать отделения уголовного розыска. Именно благодаря милиционерам этого отдела в Курской губернии были ликвидированы банды Шахова и «Черная рука». Используя классический опыт царского правительства в области борьбы с криминальным элементом, в банду Шахова был внедрен оперативный сотрудник Рыльской уездной милиции Курской губернии И.Н. Шитиков. Банду не просто уничтожили в ходе боевого столкновения, но арестовали ее верхушку и предали советскому суду, заседания которого проходили при большом стечении народа. Подобная огласка, вне сомнения, способствовала росту авторитета милиции. Но эти громкие факты не снижали рост обычной уголовной преступности. Это был лишь положительный эпизод в деятельности курской милиции. Неурожай, продовольственный кризис, общий хаос вследствие Гражданской войны неизбежно порождал всплеск экономической преступности. Так, в Курской гу-

бернии около 90 % зарегистрированных преступлений составляли кражи продовольствия и имущества.

Но кадры сформированной милиции на основе классово-партийных подходов, а не профессиональных умений и навыков, не в состоянии были погасить волну экономической преступности. Не только прежний опыт работы, но и материальная часть прежних правоохранительных структур в первые годы советской власти уничтожалась, что также не могло отрицательно не сказаться на общей криминогенной обстановке в стране. Низка была раскрываемость преступлений⁸.

Окончание Гражданской войны не привело к согласию в обществе. Противоречия гражданского общества и государственных институтов не уменьшились, а приобрели новые формы.

Государственная власть стремится реформировать милицию относительно новых условий, освободить ее от военизированных функций. Начинаются постоянные изменения как структурных элементов, так и функциональных обязанностей. Некоторые изменения носили позитивный характер, а некоторые – негативный. Так, в октябре 1921 г. в Курской губернской милиции происходит резкое сокращение ее штатов, которое продолжалось и в последующие годы. В 1923 г., в связи с ликвидацией 51 малонаселенной волости⁹, сокращаются штаты милиции в уездах, где ликвидировались волости.

В 1920 г. Курская губернская милиция насчитывала в своих рядах 2500 сотрудников¹⁰. К 1929 г. состав Курской губернской милиции сократился до 1446 сотрудников¹¹, включавших 436 конных милиционеров, 591 пеших и 419 сотрудников ведомственной милиции. Несложные арифметические подсчеты показывают увеличение числа жителей на одного милиционера в 2 раза. К этому следует добавить и образовательный уровень

⁷ СУ РСФСР. 1920. № 9. Ст. 371.

⁸ Российский сыщик. Худож.-публицист. сб.: 75-летию уголов. розыска посвящается... / сост. В.И. Колесников и др. Пермь: АО «Звезда», 1993. С. 3.

⁹ СУ РСФСР. 1923. № 38. Ст. 397.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р.-166. Оп. 1. Д. 1. Л. 4об.

¹¹ Там же. Ф. Р.-451. Оп. 1. Д. 1. Л. 4-5.

сотрудников. Выявленные в архивах отрывочные данные показывают следующую статистику. В 1929 г. только 11 начальников и 13 младших сотрудников милиции окончили специальные курсы. Велика была текучесть кадров. На V съезде работников юстиции Курской губернии (апрель 1926 г.) отмечалось, что в целом по губернии текучесть кадров составляла 39,4 %¹².

Причиной текучести кадров являлось крайне неудовлетворительное материальное снабжение сотрудников милиции, низкий уровень заработной платы. До 1923 г. сотрудники милиции находились на централизованном снабжении, а с 1923 г. содержание сотрудников милиции передавалось местным бюджетам. На местах находили различные способы нахождения средств для выплаты зарплаты. Устанавливали «шефство» предприятий над милицией – своеобразная дань с предприятий. Определялся размер премиальных за раскрытие преступлений. Определенный процент от штрафов целенаправленно направлялся в бюджет милиции. Так, за изготовление и сбыт спиртных напитков, их распитие в общественных местах 75 % сумм, поступивших от штрафов, поступало на счета милиции. А руководство органов милиции определяло каждому сотруднику (отделу) количество выявленных правонарушений в этой сфере. Еще ранее, по постановлению Президиума ГИК от 6 июня 1923 г. № 29840, 50 % от всех штрафов поступало в доход местного бюджета.

Подобная картина с личным составом курской милиции не могла отрицательно не сказываться на раскрываемости преступлений. Если в 1922 г. в Курской губернии было зарегистрировано 9510 преступлений, где их раскрываемость составила 53 %, то в 1923 г. было зарегистрировано всего 1046 преступлений, из которых раскрытыми оказались только 47 %¹³. Столь резкое уменьшение количества зарегистрированных преступлений было связано с реорганизационными преобразованиями в структурах милиции, где зая-

вителям часто отказывали в приеме заявлений, или заявления принимали, но ввиду реорганизации их отправляли «в макулатуру».

Но были и положительные явления. Структурно губернская милиция выглядела следующим образом: административно-строительный отдел, канцелярия, политсекретариат, уголовный розыск, отдел снабжения, санитарно-медицинская часть, школа губернского резерва¹⁴. Как видим, в структуре милиции появляются принципиально новые отделы. Это отдел подготовки кадров. Практика работы сотрудников показала, что, помимо желания трудиться в милиции, необходимы еще элементарные знания и навыки работы. В феврале 1922 г. меняется структура и курской уездно-городской милиции. Для оперативного обслуживания г. Курск создается 3 отделение, а через год для охраны общественного порядка в пригородах города (Стрелецкой, Казацкой и Ямской слободах) создаются 4 и 5 отделения¹⁵.

Только во второй половине 1920-х гг. более четко и под функциональные задачи сформировалась структура Курской губернской милиции. Она непосредственно подчинялась отделу управления губернского исполкома. Структурно административно-управленческий аппарат губернской милиции состоял из секретариата, общего отдела (занимался борьбой с бандитизмом, спекуляцией и оказанием помощи учреждениям в реализации распоряжений советской власти), инспекторского отдела (занимался расследованием должностных преступлений, жалоб на действия сотрудников), уголовно-розыскного отдела (занимался расследованием преступлений общеуголовного характера), отдела, ведавшего охраной лесов, фабрик, заводов, мельниц, мастерских и складов, отдела снабжения) и военизированной 12-й отдельной милицейской бригады (непосредственное участие в разгроме бандитских формирований, арестов бандитов...) ¹⁶.

¹² ГАКО. Ф. Р.-746. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

¹³ Там же. Ф. Р.-2644. Оп. 1. Д. 15. Л. 31.

¹⁴ Там же. Д. 78. Л. 29.

¹⁵ Там же. Ф. Р.-4648. Оп. 1. Д. 79. Л. 88.

¹⁶ Там же. Ф. Р.-2644. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

Структурная реформа, усиление ответственности за порученный участок работы повлекли за собой рост числа зарегистрированных преступлений. В 1925 г. их было зарегистрировано 44888, а их раскрываемость достигла цифры в 56 %¹⁷. Столь резкий рост регистрируемой преступности объяснялся включением в преступления административных правонарушений – самогоноварение, хищение леса, потравы посевов... Так, проведенный автором подсчет показал, что почти одна треть всех зарегистрированных преступлений (30,3 %) были связаны с самогоноварением, где раскрываемость здесь составляла 86,4 %. В то время как раскрываемость краж имущества по-прежнему оставалась на уровне 25–30 %.

Если количество административных правонарушений в 1923 г. составляло цифру в 3421, в 1924 г. – 7311, в 1925 г. – 25654, то в 1926 г. – 49822. Но и здесь выявленные общие цифры статистики требуют своего анализа. Абсолютное число административных правонарушений (64 %) приходилось на кражу леса. Крестьянам нечем было отапливать свое жилье¹⁸. В то же время цифры преступлений против порядка и управления постоянно снижались. В 1924 г. их было зарегистрировано 6076, в 1925 г. – 5522, в 1926 г. – 4210. Но и здесь вызывает интерес структура зарегистрированных преступлений. Резко возрастает контроль за деятельностью должностных лиц, качественного выполнения возложенных на них функциональных обязанностей. Если в 1924 г. количество зарегистрированных должностных преступлений составило цифру в 2978, в 1925 г. – 3886, в 1926 г. – 4053, то есть за 2 года рост составил более, чем в 1,3 раза. В частности, мошенничество по должности в 1924 г. составило 2840 фактов, в 1925 г. – 4084 факта, а в 1926 г. – 4373 факта. Так, мы наблюдаем четкую ориентацию в деятельности милиции на контроль выполнения функциональных обязанностей низшим чиновничеством.

Отнесение самогоноварения к уголовной преступности резко снизило количество лиц, занимающихся кустарным производством спиртных напитков на продажу. Если в 1924 г. было зарегистрировано 15719 фактов приготовления и сбыта спиртных напитков, в 1925 г. – 10260 фактов, то в 1926 г. было зарегистрировано всего 2169 фактов. Снижение произошло многократное. Конечно, самогоноварением занимались, но уже для собственных нужд, в качестве расчета с лицами, оказавшими услугу¹⁹.

Головной болью для органов милиции являлась охрана собственности предприятий и учреждений, на охрану которой просто не хватало сил и средств. Поэтому с весны 1925 г. начинает создаваться ведомственная милиция, основной целью деятельности которой являлась охрана государственного, кооперативного и общественного имущества и имущества частных предприятий, имеющих государственное значение. Ведомственная милиция создавалась по заявительному принципу от заинтересованных предприятий и учреждений и содержалась за счет заявителей. Окончательно процесс создания ведомственной милиции был завершён в 1926 г.

Конечно, цифры регистрации и раскрытых преступлений впечатляют. Большинство сотрудников милиции работали добросовестно и честно. Однако их профессионализм не всегда в полной мере соответствовал поставленным задачам. Доказательством этого тезиса может служить следующий факт. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в отечественной судебной системе встречается факт, не вписывающийся в социалистическую догму. На поступающие в суды дела часто выносились оправдательные приговоры. Например, за 6 месяцев 1926 г. суды Курской губернии оправдали 31 % от общего числа осужденных за уголовные преступления. За первый 6 месяцев 1927 г. эта цифра составила 30,5 %. Эти факты имели не только губернский, но и всесоюзный масштаб²⁰.

¹⁷ ГАКО. Ф. Р.-2644. Оп. 1. Д. 32. Л. 19.

¹⁸ Там же. Д. 67. Л. 70.

¹⁹ Там же. Ф. Р.-2642. Оп. 1. Д. 29.

²⁰ Передовица Известий ЦК ВКП(б). 1929. № 19. С. 9.

Подобный парадокс мы видим в достаточно высокой профессиональной подготовке судей и низкой профессиональной подготовке милиционеров. Так, уровень образования милиционеров в 1920-е гг. можно теоретически определить по их социальному составу. Социальный состав милиции Курского края в целом соответствовал его социальной структуре. В 1924 г. из 1442 сотрудников милиции 1154 (80 %) являлись выходцами из крестьян, 127 (8,8 %) – из рабочих и 161 (11,2 %) – из прочих социальных категорий. К началу 1928 г. в социальном составе милиции изменения были незначительные. Милиционеры с социальным происхождением из крестьян составляли 64 %, рабочих – 11,1 %, но служащих выросло до 24,1 %, прочих – 0,8 %²¹.

Важно обратить внимание на следующие факты. Если через 2–3 года у высшего руководящего состава государства стал проходить этап «романтизма», и при подборе кадров стали уделять внимание грамотности и трудолюбию, то с середины 1920-х гг. большее внимание стало уделяться таким критериям, как партийность, умение выполнять партийно-большевистские директивы. Внимание к профессионализму в работе сохранялось, но он отходит на второй план, а на первый выходили исполнительность и преданность. Качества, вне сомнения, необходимые в работе сотрудников милиции, но они не должны были превалировать, а выступать в связи с другими профессиональными требованиями.

Доказательством данных рассуждений могут служить следующие диаметрально противоположные факты. В феврале 1919 г., ввиду нехватки профессиональных кадров, ВЦИК РСФСР принимает постановление о возможности допуска на службу чинов бывшей полиции, хотя и с разрешения партийных органов, а не структур милиции [22, с. 17]. В протоколах совещаний 1928 г. уже указывалось на необходимость подбирать работников из рабочих и крестьян, а «кулаку и нэпману не место в рядах милиции... а если есть – выгонять из своих рядов». Смотрели не на то, как

человек работает, а кто работает. Хотя некоторые элементы от прежней профессиональной деятельности «бывших» продолжали сохраняться. Так, с середины 1920-х гг. начинается кропотливая работа по воссозданию картотек на преступников, статистики, вошли в постоянную практику совещания по обмену опытом (позднее переросшие в партийно-политические мероприятия), профилактическая деятельность среди населения.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в период октября 1917–1920 гг. мы наблюдаем два противоположных процесса. С одной стороны, решительное разрушение действовавших не только структур прежних органов милиции, но и отрицательное отношение в целом к профессиональному опыту, с другой стороны – хаотичные попытки использовать некоторые наработки деятельности полиции – милиции царско-буржуазных правительств. С введением нэпа начинается систематическая работа по встраиванию милиции в создаваемую государственную модель. С осторожно-плановым подходом к использованию наработок из досоветского времени. При общей доктринальной установке правящая партия большевиков четко реагировала на происходящие процессы как в обществе, так и в органах милиции.

Несмотря на достаточно большое количество литературы по общей проблематике, актуальность темы исследования не утратила своего значения. Перспективным направлением является региональный уровень исследования, так как административно-территориальные субъекты РСФСР существенно различались по ряду характеристик [23]. Выявленные и проанализированные документы определяют новое направление исследований в становлении и деятельности советской милиции: масштабы использования дореволюционного опыта в своей практической деятельности и в организационно-кадровой работе, реорганизации органов милиции в зависимости от социально-политической и социально-экономической ситуации в стране.

²¹ ГАКО. Ф. Р.-2644. Оп. 1. Д. 789. Л. 78.

Список источников

1. Осокина М.И. Историография проблемы деятельности органов внутренних дел в СССР // Молодой ученый. 2013. № 12. С. 752-754.
2. Токарева С.Н. Советская рабоче-крестьянская милиция 1920-х – 1930-х годов: к историографии вопроса // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 3. С. 117-137.
3. Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е – 1930-е годы (историографический обзор) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 1. С. 1-5.
4. История полиции и милиции России / сост. М.Ю. Гребенкин, Б.И. Кофман, С.М. Миронов. Казань: Изд-во КЮИ МВД России, 2005. 312 с.
5. Ленин В.И. О диктатуре пролетариата // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 39. Июнь – декабрь 1919. М.: Политиздат, 1963. С. 258-268.
6. Ленин В.И. Речь на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 40. Декабрь 1919 – апрель 1920. М.: Политиздат, 1963. С. 113-121.
7. Бухарин Н.И. Борьба за кадры. Речи и статьи. Москва; Ленинград: Молодая гвардия, 1926. 348 с.
8. Ляцис М. Возникновение Народного комиссариата внутренних дел и организация власти на местах // Пролетарская революция. 1925. № 2. С. 136-159; № 3. С. 142-146.
9. Калинин М.И. О социалистической законности. М.: Госполитиздат, 1957. 367 с.
10. Георгиевский Г.П. Очерки по истории Красной гвардии. Москва; Ленинград: Факел, 1919. 110 с.
11. Пече Я.Я. Красная гвардия в Москве в боях за Октябрь. Москва; Ленинград: Госиздат, 1929. 187 с.
12. Кельсон З.С. Милиция в февральской революции: Воспоминания // Былое. 1925. № 1 (29). С. 210-233.
13. Кублаков А.Л. Разгром фашистской троцкистско-бухаринской «пятой колонны» в СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1946. 26 с.
14. Еропкин М.И. Развитие органов милиции в советском государстве. М.: Знание, 1969. 91 с.
15. Курицын В.М. Переход к нэпу и революционная законность. М.: Юрид. лит., 1972. 211 с.
16. Биленко С.В. Советская милиция в России (1917–1920 гг.). М.: Знание, 1976. 62 с.
17. Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Развитие системы подбора, расстановки и обучения кадров в органах внутренних дел. М.: Знание, 1978. 78 с.
18. Васильев Л. Кризис социализма // Через тернии / сост. А.А. Протащик. М.: Прогресс, 1990. С. 9-89.
19. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М.: Политиздат, 1992. 352 с.
20. Шабанова И.К. Правовой произвол начала 1920-х гг. // Сибирский исторический журнал. 2006. № 2. С. 207-215.
21. Миронов А.И. Возникновение и развитие криминалистических подразделений органов внутренних дел. М.: б.и., 1979. 64 с.
22. Малыгин А.Я. Государственно-правовой статус милиции РСФСР в период новой экономической политики (20-е годы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 37 с.
23. Пашин В.П. Общественность и правоохранительные органы в укреплении советского правопорядка. 1953–1964 гг. (На материалах Курской области). Курск: КГУ, 2015. 161 с.

References

1. Osokina M.I. Istoriografiya problemy deyatel'nosti organov vnutrennikh del v SSSR [Historiography of the problem of the activities of internal affairs bodies in the USSR. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2013, no. 12, pp. 752-754. (In Russian).
2. Tokareva S.N. Sovetskaya raboche-krest'yanskaya militsiya 1920-kh – 1930-kh godov: k istoriografii voprosa [Soviet workers' and peasants' militia of the 1920s – 1930s: to the historiography of the issue]. *Istoriiko-pravovyye problemy: novyy rakurs – Historical-Legal Problems: the New Viewpoint*, 2020, no. 3, pp. 117-137. (In Russian).
3. Shabelnikova N.A. Militsiya v bor'be s prestupnost'yu na Dal'nem Vostoke Rossii v 1920-e – 1930-e gody (istoriograficheskiy obzor) [Police in the fight against crime in the Far East of Russia in the 1920s – 1930s

- (historiographic review)]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East], 2009, no. 1, pp. 1-5. (In Russian).
4. Grebenkin M.Y., Kofman B.I., Mironov S.M. (compilers). *Istoriya politzii i militsii Rossii* [History of the Police and Militia of Russia]. Kazan, Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 312 p. (In Russian).
 5. Lenin V.I. O diktature proletariata [On the dictatorship of the proletariat]. In: Lenin V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 55 t. T. 39. Iyun' – dekabr' 1919* [Complete Works: in 55 vols. Vol. 39. June – December 1919]. Moscow, Politizdat Publ., 1963, pp. 258-268. (In Russian).
 6. Lenin V.I. Rech' na IV konferentsii gubernskikh chrezvychaynykh komissiy 6 fevralya 1920 g. [Speech at the 4th Conference of Provincial Extraordinary Commissions, February 6, 1920]. In: Lenin V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 55 t. T. 39. Iyun' – dekabr' 1919* [Complete Works: in 55 vols. Vol. 39. June – December 1919]. Moscow, Politizdat Publ., 1963, pp. 113-121. (In Russian).
 7. Bukharin N.I. *Bor'ba za kadry. Rechi i stat'i* [Fight for Personnel. Speeches and Articles]. Moscow, Leningrad, Molodaya gvardiya Publ., 1926, 348 p. (In Russian).
 8. Latsis M. Vozniknoveniye narodnogo komissariata vnutrennikh del i organizatsiya vlasti na mestakh [The emergence of the People's Commissariat for Internal Affairs and the organization of local authorities]. *Proletarskaya revolyutsiya* [Proletarian Revolution], 1925, no. 2, pp. 136-159; no. 3, pp. 142-146. (In Russian).
 9. Kalinin M.I. *O sotsialisticheskoy zakonnosti* [On Socialist Legality]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957, 367 p. (In Russian).
 10. Georgiyevskiy G.P. *Ocherki po istorii Krasnoy gvardii* [Essays on the History of the Red Guard]. Moscow, Leningrad, Fakel Publ., 1919, 110 p. (In Russian).
 11. Peche Y.Y. *Krasnaya gvardiya v Moskve v boyakh za Oktyabr'* [Red Guards in Moscow in the Battles for October]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1929, 187 p. (In Russian).
 12. Kelson Z.S. *Militsiya v fevral'skoy revolyutsii: Vospominaniya* [Police in the February Revolution: memoirs]. *Byloye* [Past], 1925, no. 1 (29), pp. 210-233. (In Russian).
 13. Kublakov A.L. *Razgrom fashistской trotskistско-bukharinskoy «pyatoy kolonny» v SSSR: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Defeat of the Fascist Trotskyist-Bukharin "Fifth Column" in the USSR. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1946, 26 p. (In Russian).
 14. Eropkin M.I. *Razvitiye organov militsii v sovetskom gosudarstve* [The Development of the Police in the Soviet State]. Moscow, Znaniye Publ., 1969, 91 p. (In Russian).
 15. Kuritsyn V.M. *Perekhod k nepu i revolyutsionnaya zakonnost'* [Transition to the NEP and Revolutionary Legality]. Moscow, Legal literature Publ., 1972, 211 p. (In Russian).
 16. Bilenko S.V. *Sovetskaya militsiya v Rossii (1917–1920 gg.)* [Development of a System for the Selection, Placement and Training of Personnel in the Internal Affairs Bodies]. Moscow, Znaniye Publ., 1976, 62 p. (In Russian).
 17. Malygin A.Y., Mulukayev R.S. *Razvitiye sistemy podbora, rasstanovki i obucheniya kadrov v organakh vnutrennikh del* [Development of a System for the Selection, Placement and Training of Personnel in the Internal Affairs Bodies]. Moscow, Znaniye Publ., 1978, 78 p. (In Russian).
 18. Vasilyev L. *Krizis sotsializma* [Crisis of socialism]. *Cherez ternii* [Through Thorns]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 9-89. (In Russian).
 19. Bordyugov G.A., Kozlov V.A. *Istoriya i kon'yunktura: sub'yektivnyye zametki ob istorii sovetskogo obshchestva* [History and Conjuncture: Subjective Notes on the History of Soviet Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992, 352 p. (In Russian).
 20. Shabanova I.K. *Pravovoy proizvol nachala 1920-kh gg.* [Legal arbitrariness of the early 1920s]. *Sibirskiy istoricheskiy zhurnal* [Siberian Historical Journal], 2006, no. 2, pp. 207-215. (In Russian).
 21. Mironov A.I. *Vozniknoveniye i razvitiye kriminalisticheskikh podrazdeleniy organov vnutrennikh del* [The Emergence and Development of Forensic Units of the Internal Affairs Bodies]. Moscow, 1979, 64 p. (In Russian).
 22. Malygin A.Y. *Gosudarstvenno-pravovoy status militsii RSFSR v period novoy ekonomicheskoy politiki (20-e gody): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The State-Legal Status of the Militia of the RSFSR in the Period of the New Economic Policy (1920s)]. Moscow, 1992, 37 p. (In Russian).
 23. Pashin V.P. *Obshchestvennost' i pravookhranitel'nyye organy v ukreplenii sovetskogo pravoporyadka. 1953–1964 gg. (Na materialakh Kurskoy oblasti)* [The Public and Law Enforcement Agencies in Streng-

thening the Soviet Legal Order. 1953–1964 (Based on the Materials of the Kursk Region)]. Kursk, Kursk State University Publ., 2015, 161 p. (In Russian).

Информация об авторе

Пашин Василий Петрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-0357-8970](https://orcid.org/0000-0002-0357-8970), pashinvp@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.03.2022
Одобрена после рецензирования 15.06.2022
Принята к публикации 09.09.2022

Information about the author

Vasilii P. Pashin, Doctor of History, Professor, Professor of Theory and History of State and Law Department, Kursk State University, Kursk, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-0357-8970](https://orcid.org/0000-0002-0357-8970), pashinvp@mail.ru

The article was submitted 23.03.2022
Approved after reviewing 15.06.2022
Accepted for publication 09.09.2022